

МЁРТВЫЕ ГОВОРЯТ

ВСКРЫТИЕ ПОКАЖЕТ

ФЭНТЕЗИ-
ДЕТЕКТИВ

КНИГА 1

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят.

Вскрытие покажет

<https://litres.ru/74595648>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судмедэксперт Григорий Ветров не верил ни в магию, ни в проклятия. Двенадцать лет он вскрывал тела и знал: у каждой смерти есть причина.

Пока не очнулся на секционном столе. В чужом теле. В мире, где убийства не расследуют — списывают на «тёмные силы».

Теперь он — подмастерье лекаря Каспер, которого задушили и бросили в сточную канаву. Все твердят: проклятие. Но Ветров видит то, чего не видят маги, — следы шнура на шее, яд под ногтями. Он знает: труп не молчит. Нужно лишь уметь слушать.

В королевстве, где некромантия запрещена, его наука опаснее любого заклинания: правильное вскрытие пробуждает душу жертвы. И мёртвые начинают говорить.

Теперь ему предстоит раскрыть собственное убийство, не сорет в чужой магии и выяснить, кто вырывает сердца у невест и топит людей в сухих колодцах. С одним скальпелем, едким юмором и дознавательницей, которая пока не решила: посадить его или поверить.

Ироничный фэнтези-детектив в духе нуарного процедурала.
Первая книга цикла «Мёртвые говорят».

Содержание

Глава 1. Мертвец, который сел	5
Глава 2. Проклятие — это удобно	14
Глава 3. Труп заговорил	22
Глава 4. Колокол, который не звонил сто лет	28
Глава 5. Гильдия врачей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят.

Вскрытие покажет

Глава 1. Мертвец, который сел

Первое, что я почувствовал, — холод. Не тот, когда ныряешь в реку в жару, а другой, изнутри. Тот, что идёт от костей, будто меня выключили и оставили в холодильнике на ночь.

Второе — запах. Формалин, сырость и сладковатая нотка, которую не спутаешь ни с чем, если хоть раз стоял в морге.

Третье — свет. Белый, режущий, прямо в глаза. Я лежал на спине, на чём-то твёрдом и ледяном, а сверху висела лампа.

Знакомо. Слишком знакомо.

Только раньше я стоял по другую сторону.

Я сел.

Получилось не сразу. Тело не слушалось, руки были чужие, тяжёлые, как налитые свинцом. Мир качнулся, в висках застучало, и перед глазами поплыли цветные пятна — так бывает, когда резко встаёшь после долгой ночи. Только я не вставал. И ночь у меня, судя по всему, затянулась.

Я упёрся ладонями в камень — мокрый, ледяной, шерша-

вый, как надгробная плита, — и всё-таки сел.

Сердце заколотилось так, что заложило уши. Я не знал, где я. Не знал, который час, какой день, чьё это тело под моей кожей. Двенадцать лет я привык, что у каждой смерти есть причина, у каждого тела — имя, у каждого протокола — графа. А тут не было ничего. Только холод, темнота и чужое сердце, бьющееся в груди, как пойманная птица.

Я заставил себя вдохнуть. Раз. Два. Пока не перестали трястись руки.

Страх не ушёл. Он просто отошёл в сторону, как старый знакомый, давая мне место работать. А работать — это было единственное, что я умел делать, когда мне было страшно.

Потому что я вспомнил, кто я.

Григорий Ветров. Судмедэксперт. Двенадцать лет стажа, две с лишним тысячи вскрытий, морг на окраине, где зимой перемерзают трубы, и напарник Серёга, который вечно опаздывал и вечно пах дешёвым растворимым кофе. Я знал свою работу так, как мало кто знает свою: до последнего шрама на ладони, до последней строчки в протоколе.

И ещё я знал одно: люди не просыпаются на секционных столах.

Своих уж точно. А своих — не своих, я разберусь позже. Прямо напротив, в дверном проёме, стоял человек.

Молодой парень в синем мундире с медными пуговицами. Лицо белое, как мой рабочий стол. Глаза круглые, как у человека, увидевшего, что покойник сел. Рот открывается и

закрывается, а звука нет.

— Добрый вечер, — сказал я. Голос сел, как у курильщика со стажем, и прозвучал в этой каменной коробке как-то слишком громко. — Подскажите, где я и почему у меня ноги холодные.

Парень завизжал.

Не закричал. Именно завизжал — тонко, по-бабьи, — и метнулся в коридор, грохоча сапогами так, что эхо замечалось по стенам.

Я проводил его взглядом. Потом посмотрел на свои руки.

Чужие. Это я понял сразу, ещё до того, как рассмотрел их как следует. Свои собственные я знал до последнего шрама: вот этот, на большом пальце, — от скальпеля, когда на стажировке порезался, как дурак, и потом три дня прятал руку от заведующего; вот этот — от собачьего укуса, когда соседский ротвейлер решил, что я покушаюсь на его кость. Эти руки были другие. Молодые. Гладкие. Без единой царапины.

И на левом запястье болталась тонкая цепочка с медным жетоном, на котором кто-то аккуратно, как на надгробии, выгравировал одну букву: «К».

Итог пока такой: я жив, хотя и в чужом теле. И судя по обстановке, это тело совсем недавно было трупом.

Моим.

Я спустил ноги с плиты и огляделся.

Комната без окон. Три каменных стола, как тот, на котором я сидел. Вдоль стен — полки с банками, в банках —

что-то мутное, плавают. На крюках под потолком — веники сушёных трав, и от них в воздухе висел горьковатый, лекарственный дух. И холодно, как в склепе, потому что это, судя по всему, склеп и есть.

Морг. Только не мой. В моём было чище, и пахло хлоркой, а не травами. И электричество.

Здесь по углам горели масляные лампы, и от их дрожащего света тени на стенах шевелились, как живые.

Я встал. Ноги держали плохо, пришлось опереться о плиту. И только тогда до меня наконец дошло то, что должно было дойти сразу: парень в мундире говорил на незнакомом языке.

А я его понял.

И сам ответил на нём же, не задумавшись. Как на родном. Как будто этот язык жил где-то в мышцах этого тела, в глубине глотки, вместе с привычкой дышать.

Так. Спокойно, Гриша. Ты судмедэксперт. Ты двенадцать лет имел дело с вещами, от которых у нормальных людей седеют волосы. Ты видел тела после пожаров, после рек, после того, что остаётся от человека в закрытой квартире в июле. Чужая комната без окон и чужой язык — это, в конце концов, не самое страшное, что с тобой случилось.

Дыши. Работай.

Работа — это хорошо. Работа — это то, что у меня получается лучше всего. И сейчас, стоя на каменном полу босыми ногами в чужом теле, я ухватился за неё, как утопающий

за доску.

Я развернулся к телу, с которого только что встал. Точнее, к тому, что от него осталось, — то есть ко мне нынешнему.

И начал осмотр.

Профессиональная привычка не спрашивает разрешения. Даже когда пациент — ты сам.

Тело молодого мужчины. Лет двадцать с небольшим. Кожа бледная, но без трупных пятен — значит, умер недавно, часа три-четыре назад. Мышцы ещё не окоченели. На шее — странное. Вот это мне не нравится. Две полосы, одна выше другой, кожа в этом месте припухла и потемнела, как бывает, когда что-то тугое долго давит.

Удушение. Скорее всего.

Я наклонился ближе. Запах трав из-под потолка бил в нос, но за ним я уловил другое — горьковатое, химическое, отдающее металлом. Так пахнет яд, когда он успел поработать. Не сразу, не грубо, а так, как работает то, что подмешивали по капле.

Под ногтями — чёрное. Копоть? Нет. Частицы какой-то ткани, тёмной, с маслянистым блеском. Я приподнял руку, повернул к свету. Не грязь. Волокна. И что-то ещё, белое, похожее на воск.

— Ты с кем-то дрался, приятель, — сказал я вслух. — Или тебя держали. А потом придушили. И не руками. Верёвкой. Или шнуром. Судя по ширине полосы...

— Отойди от него.

Голос за спиной заставил меня замолчать. Женский. Резкий. Как хлыст.

Я обернулся, не торопясь. В дверях стояла женщина в таком же синем мундире, только с серебряными пуговицами. Тёмные волосы убраны под шапку, подбородок вздёрнут, спина прямая, как копьё. Одна рука — на рукояти короткого меча, вторая — сжата в кулак. Взгляд такой, что у трупа и того теплее.

За её спиной толпился тот самый парень, который визжал. Теперь он тыкал в меня пальцем и что-то быстро, сбивчиво шептал, поминутно оглядываясь, будто боялся, что я его догоню.

— Госпожа дознавательница, — начал я. — Я понимаю, как это выглядит.

— Правда? — Она шагнула вперёд, и каблуки её сапог отщёлкали по камню, как метроном. Меч из ножен не вытащила, но дала понять, что может. — А по-моему, ты не понимаешь ничего. Мертвец, который встал и разгуливает по мертвецкой, — это, знаешь ли, не лучший способ начать разговор.

— Согласен. — Я кивнул. — Начать стоило бы с другого. Например, с того, что этот молодой человек, — я кивнул на плиту, — не умер своей смертью. Его задушили. Тонким шнуром, обмотанным дважды. Убийца стоял сзади, жертва сопротивлялась, поэтому полосы неровные. А перед этим его, скорее всего, отравили. Горечь в воздухе и чёрное под

ногтями — это не случайность.

Женщина остановилась.

Парень за её спиной перестал шептать.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она медленно.

Вот он, мой любимый момент. Тот, ради которого я и пошёл когда-то в профессию. Момент, когда человек, который уверен, что перед ним бред, вдруг слышит точность и не знает, что с ней делать.

— Это написано на теле, — сказал я. — Труп не молчит. Просто вы не умеете его слушать.

Она смотрела на меня долго. Не так, как смотрят на сумасшедшего. И не так, как смотрят на колдуна. А так, как смотрит человек, который привык доверять фактам и впервые столкнулся с фактом, который не влезает ни в одну графу протокола.

Потом перевела взгляд на плиту, потом снова на меня.

— Имя, — отрывисто бросила она.

— Григорий. Григорий Ветров.

— Ты назвал чужое имя, Ветров. — Она чуть склонила голову, и в этом движении было что-то кошачье, цепкое. — На жетоне у тебя на руке выбита буква «К». И тело это принадлежит Касперу Ванну, подмастерью лекаря. Его нашли утром в сточной канаве, без сознания, и к вечеру он умер. А ты сидишь на его столе и рассказываешь, что его убили.

Она сделала ещё шаг. Теперь между нами было метра два, не больше. Я чувствовал исходящий от неё холод — не тот,

что от стен, а другой, живой, настороженный.

— Так что, Григорий Ветров, — она впервые улыбнулась, и улыбка эта мне не понравилась, — объясни мне, как тебя зовут и почему покойник говорит твоим голосом. И лучше начни с правды. Потому что если ты опять соврёшь, я упеку тебя туда, откуда ещё никто не выходил.

Я открыл рот.

И в этот момент впервые за всё время понял, что не знаю, как сюда попал.

Совсем не знаю. Ни единого воспоминания после вчерашнего вечера, когда я, кажется, закрывал последнее дело и собирался домой. Там было что-то ещё — холодный кофе, гудящая лампа над столом, звонок телефона, — но дальше, как обрыв, пустота. Ни перехода, ни туннеля, ни вспышки. Просто: был в морге — и оказался в другом морге. Только уже не по свою сторону стола.

— Это долгая история, — сказал я.

— А я не спешу.

За окном, которого в этой комнате не было, где-то далеко, прокричала ночная птица — резко, хрипло, и крик этот сорвался и утонул в тишине, как камень в колодце.

И холод пополз вверх по позвоночнику. Тот самый, изнутри.

Я ещё не знал, что эта женщина, этот морг и этот мёртвый парень по имени Каспер станут началом самого странного дела в моей жизни. Что впереди будут невесты без сердец,

утопленники в сухих колодцах и человек, который сто лет воровал чужие годы.

Я знал только одно.

Что бы это ни было — вскрытие покажет.

Оно всегда показывает.

Глава 2. Проклятие — это удобно

На улицу меня вывели под конвоем. Точнее, под одним конвоем: та самая женщина с серебряными пуговицами шагала рядом, а парень, который визжал в морге, плёлся сзади и старался не встречаться со мной взглядом, как будто боялся, что я его узнаю и запомню.

Город встретил меня запахом. Дым, мокрый камень, прелая солома и где-то далеко — жареное мясо, от которого у меня свело живот. И холодный ветер с реки, пахнущий тиной и солью.

Я жадно огляделся, как турист, который приехал не по своей воле и без паспорта.

Узкая улица, мостовая из серого булыжника, отполированного подошвами до блеска. Дома в два-три этажа, с деревянными балками и окнами в свинцовых переплётках, за мутным стеклом которых угадывался тёплый свет. Над крышами — шпиль, окутанный туманом, как палец, указывающий в низкое, серое небо. Вдоль стен висели крюки с масляными фонарями, и огонь в них дрожал на ветру, выхватывая из темноты то вывеску с кривым изображением сапога, то спящего у стены нищего, то кошку, что скользнула через дорогу, как тень.

Не мой мир. Это я понял ещё в морге. Но теперь дошло по-настоящему, всей кожей: я не в другом городе. Я в другом

времени.

И, что хуже всего, тело моё это место знало. Ноги сами выбирали дорогу, сами обходили выбоины, сами угадывали, где скользко. Память Каспера вела меня, как старая привычка, которую не вытравишь. Жуткое чувство — идти по улицам, которые ты видишь впервые, и знать, что за следующим поворотом — лавка булочника.

— Куда вы меня ведёте? — спросил я, чтобы хоть как-то разбить это ощущение.

— В участок, — коротко бросила она. — Вопросы задаю я.

— Хорошо. Тогда уточню иначе. Мне полагается хотя бы узнать имя человека, который меня задержал?

Она покосилась на меня. Долго, оценивающе, как смотрят на вещь сомнительной ценности.

— Дознавательница Рената Ларс. — Пауза. — И ты не задержан. Пока.

— Приятно. А это местный этикет — ходить за покойниками с мечом?

— Это чтобы покойник не сделал глупость.

— Разумно, — согласился я. — Я вообще-то за разумный подход.

Она не ответила. Только хмыкнула — сухо, едва слышно.

Мы свернули на площадь, где пахло уже не жареным мясом, а свечным воском и чернилами. Посреди площади, на невысоком постаменте, стояла статуя — человек в длинном

плаще, с весами в одной руке и мечом в другой. Лицо статуи стёрлось от дождей, и теперь она смотрела на город пустыми глазницами, как слепой судья.

— Кто это? — спросил я.

— Первый судья Карда, — ответила Рената, не глядя. — Поставил закон выше меча. Так написано на постаменте.

— А на деле?

— А на деле, — она усмехнулась, — закон тут стоит ниже меча. И чем выше человек, тем ниже закон.

Я запомнил и это.

Участок оказался приземистым каменным зданием с решётками на окнах. Внутри пахло сыростью, чернилами и застарелым страхом — тем самым запахом, что пропитывает стены, в которых люди годами ждут и боятся. Дежурный за конторкой поднял на меня глаза, потом на Ренату, потом снова на меня — и медленно, нарочито медленно, перекрестился.

— Не каждый день, — сказал я ему. — Понимаю.

Он что-то буркнул и уткнулся в бумаги.

Меня усадили на лавку в маленькой комнате без окон. Стол, два табурета, на стене — ржавое кольцо, к которому, судя по потёртостям на полу, кого-то когда-то приковывали. Рената села напротив, положила на стол короткий меч и сцепила пальцы.

— Итак, Григорий Ветров. Или Каспер Ванн. — Она смотрела без улыбки, и в этом взгляде было семь лет выслу-

шанной лжи. — Кто ты?

Я вздохнул.

— Хотите честный ответ?

— Хочу. Но сомневаюсь, что услышу.

— Я судмедэксперт. — Слово повисло в воздухе, как чужое, не из этого мира. — Врач, который работает с мёртвыми. Устанавливаю, отчего человек умер. Двенадцать лет стажа, две тысячи вскрытий. Я, честно говоря, сам не знаю, как оказался в теле вашего Каспера. Но одно знаю точно.

— И что же?

— Ваш Каспер умер не от проклятия. Его убили.

Рената откинулась на спинку. Стул скрипнул.

— В протоколе написано иначе. Подмастерье лекаря Каспер Ванн найден без сознания в сточной канаве, доставлен в дом лекарей, к вечеру скончался. Причина смерти установлена гильдией лекарей. — Она выдержала паузу. — Проклятие.

— Проклятие, — повторил я. — Удобное слово.

— Что?

— Когда не хочется разбираться, всегда можно сказать «проклятие». — Я подался вперёд. — Спишешь любую смерть, закроешь любое дело, и все довольны. Кроме покойника, конечно. Но покойник ведь не жалуется.

Она чуть прищурилась, но не перебила.

— А теперь смотрите, — продолжал я. — У меня на шее две полосы от шнура. У Каспера. У этого тела. Проклятия

так не выглядят. Проклятие не душит верёвкой, не подсыпает яд и не оставляет частицы ткани под ногтями. Всё это делает человек. Живой. С руками. И, судя по всему, со знакомым лицом.

Она молчала.

— Смерть — это диагноз, госпожа Ларс. А не проклятие. — Я развёл руками, насколько позволяла тесная комната. — Дайте мне нож и час времени. Я покажу вам, как умер ваш Каспер. И кто.

Она долго смотрела на меня. Так смотрят, когда в голове крутятся два взаимоисключающих факта, и оба требуют места.

— Знаешь, что самое странное, Ветров? — Она наклонилась ближе. — Ты не врёшь. Я семь лет выслушиваю ложь, и я слышу, когда человек врёт. По глазам, по рукам, по паузам между словами. Ты — нет.

Она распрямилась.

— Поэтому я дам тебе не нож. Я дам тебе ночь в камере. А утром решу, что с тобой делать.

— И это всё?

— Это больше, чем я давала любому мертвецу за последний год.

И, пожалуй, впервые за вечер, это прозвучало почти по-человечески. Устало, но по-человечески.

Камера оказалась каменной коробкой с охапкой соломы и ведром в углу. Пахло, мягко говоря, специфически — сме-

сю сырости, старой соломы и отчаяния. Единственное окно — узкая щель под потолком, затянутая решёткой, сквозь которую сочился холодный лунный свет и редкие звуки ночного города: далёкий лай, скрип телеги, чей-то пьяный смех.

Я сел на солому, привалился к стене и закрыл глаза.

Итак, Гриша. Соберись. У тебя чужое тело, чужие руки, чужой мир и обвинение в том, что ты ходячий труп. Приятного мало. Зато работа интересная.

А с работой ты умеешь. Двенадцать лет. Две тысячи вскрытий. Если это тело умерло от убийства, ты это докажешь. Нужен только нож и немного тишины.

Я мысленно перебрал, что у меня есть. Тело Каспера — с уликами на нём. Язык, который понимаю. Память, которая знает город. И дознавательница, которая, кажется, не совсем верит в «проклятия», но боится в это признаться даже себе.

Мало. Но работать можно.

В моей прежней жизни у меня тоже не всегда было больше. Бывало, что из всего — только труп, лампа и догадка. И я справлялся. Потому что тела не врут. Они рассказывают всё, если уметь читать. А я умел.

За стеной зашевелилось. Кто-то тихо, но внятно произнёс: — Скажи, что это неправда.

Я открыл глаза. В дверной решётке, в щели, поблёскивал глаз.

— Что именно?

— Что Каспера убили.

Голос был молодой. И дрожал.

Я поднялся, подошёл к решётке. За ней, в полумраке, стоял тот самый парень-стражник. Теперь он не визжал. Он смотрел на меня, как смотрят на человека, у которого спрашивают о покойнике: со страхом, с надеждой и с виной, которую он сам ещё не понимал.

— Откуда ты его знал? — спросил я тихо.

Парень сглотнул.

— Я его знал. Мы вместе росли. На Нижней улице. Он был... он был хороший, понимаете? Не такой, чтобы умирать в канаве. — Он оглянулся, будто боялся, что нас услышат. — Но все твердят — проклятие. И магистр Рольт лично подписал заключение. А магистру не возражают.

Магистр Рольт. Я запомнил имя. И то, с каким страхом оно было произнесено.

— И ты ему не веришь, — сказал я.

— Я хочу понять. — Парень вцепился в прутья. — Если Каспера убили, я должен знать. Он был мне как брат.

Я смотрел на него — молодого, испуганного, впервые в жизни столкнувшегося с тем, что мир устроен не так справедливо, как ему обещали. И я видел, что он не мог заставить себя повернуться и уйти.

— Тогда помоги мне, — сказал я. — И я покажу тебе правду.

За дверью стало тихо — так, что я слышал, как капает вода где-то в глубине участка.

Потом глаз исчез. И в темноте коридора звякнул ключ.

Глава 3. Труп заговорил

Ключ звякнул, дверь приоткрылась.

Парня звали, как выяснилось, Тео, и был он сыном кузнеца с Нижней улицы — того самого, чей горн, по его словам, дымил на весь квартал с утра до ночи. Провёл он меня не к выходу, а чёрным ходом, мимо спящего дежурного, чьё лицо в свете оплившей свечи казалось не то мёртвым, не то просто очень уставшим.

— Только тихо, — шептал Тео, и в голосе его звенело то, что бывает у человека, который впервые в жизни нарушает устав. — Если нас поймают, мне конец.

— Если нас поймают, я, по-твоему, кому-нибудь понравлюсь? — отозвался я. — Я и так уже ходячий труп. Хуже не будет.

Он нервно оглянулся, но не спорил. Только перекрестился — быстро, украдкой, как будто стесняясь.

Ночь была холодная, лунная. Туман лежал на мостовой слоями, как простыни, и наши шаги тонули в нём без эха. Я шёл за Тео и думал о том, что тело моё опять само знает дорогу — сворачивает, перешагивает, огибает лужи. Память тела вела меня, как старая привычка, которую не вытравишь. Жуткое чувство — идти по улицам, которые ты видишь впервые, и знать, что за следующим поворотом — лавка булочника.

Мертвецкая встретила нас тем же холодом и запахом трав. Три каменных стола, как тот, на котором я вчера очнулся. Пустые. Тело, что вчера лежало здесь, — было моим. Я встал с него и ушёл. И теперь, вернувшись, впервые понял, как это странно: смотреть на пустой стол и знать, что тот, кто должен был лежать на нём мёртвым, — ходит, дышит и говорит.

— Зачем мы здесь? — спросил Тео, озираясь. — Я думал, вы хотите... посмотреть на него. На Каспера.

— На Каспера я смотрю каждый раз, когда смотрю в зеркало. — Я прошёл к столу, провёл ладонью по холодному камню. — Его тело — вот оно. — Я коснулся своей груди. — А я — тот, кто в нём проснулся. — Я помолчал. — И то, как он умер, написано не в протоколе. Оно написано здесь. На мне.

— Держи свет, — сказал я. — Я покажу тебе, как умер твой друг.

Тео поднял лампу, и рука у него заметно дрожала.

— Смотри. — Я оттянул ворот рубахи. — Две полосы. Одна выше, другая ниже. Кожа в этих местах припухла и потемнела. Его душили шнуром. Тонким. Обмотали дважды и стянули. Видишь, как неровно легла вторая полоса? Убийца дёргал. Значит, не профессионал — или очень злой. Проклятие так не работает. Проклятие не оставляет следа от шнура.

Тео сглотнул.

— Под ногтями — чёрное, — продолжал я, подняв руку к свету. — Это не грязь. Волокна тёмной ткани и что-то

маслянистое, с блеском. И воск. Каспер царапался. Боролся. Цеплялся за того, кто его держал. А перед этим его травили — медленно, по капле, день за днём. Я чувствую это до сих пор. — Я сглотнул, и горький привкус поднялся откуда-то изнутри, из памяти тела. — Вкус. Горечь. Она во мне.

— Вы говорите так, будто он вам... друг.

— Он мне никто. — Я выпрямился. — Но мёртвые заслуживают того, чтобы их выслушали. Иначе зачем я здесь?

И тут в комнате стало холоднее.

Нет. Не холоднее. По-другому. Воздух сделался плотным, как вода, и масляный огонь в лампе Тео вытянулся в тонкую нить и замер, как нарисованный. Тени на стенах перестали дрожать. И в этой застывшей тишине я услышал — не ушами, а чем-то другим — чужое дыхание.

— Ветров? — прошептал Тео. — Что это?

Я не ответил. Я смотрел на жетон на своём запястье — на букву «К», что вдруг слабо засветилась, как уголёк, который кто-то раздул. И на то, что поднималось от неё.

Не дым. Не пар. Что-то прозрачное, светлое, очертания человека. Оно клубилось в воздухе над моей рукой, как отражение в подёрнутой воде, и от него шёл тот самый холод — не ледяной, а какой-то глубокий, как из колодца, в который давно не заглядывали.

И оно смотрело на меня.

— Он умирал, — понял я, хотя звука не было. Как понимаешь во сне. — Он не хотел умирать.

Голос. Тихий. Молодой. Тот, которому неоткуда было взяться, потому что владелец его — тело, в котором я стоял, — лежал вчера мёртвым на этом самом столе. И всё же он звучал — не в комнате, а во мне, под рёбрами, там, где у человека, говорят, живёт страх.

— Каспер, — сказал я. — Ты меня слышишь?

Прозрачное лицо дрогнуло. И в моей голове, как чужая память, вспыхнуло — только не то, что я ждал. Не смерть. Жизнь.

Солнце. Двор. Мальчишка в заляпанном фартуке смеётся, утирая нос, и мать кричит ему с крыльца, что обед стынет. Потом он старше — у постели больного, осторожно поправляет повязку, и старик благодарно сжимает его руку. Запах мяты. Тёплый хлеб. Чей-то голос, зовущий по имени.

Каспер был живым. Он любил кого-то, и его любили. Он хотел стать лекарем — настоящим, а не тем, кто «поправляет» тела.

А потом — лестница. Сумерки. Запах трав — тот самый, горьковатый, лекарственный. Чья-то рука в перчатке ложится на затылок. Боль, короткая, как вспышка. Потом темнота.

И последнее, что успел подумать Каспер, прежде чем всё оборвалось: «Он был в мантии гильдии. Я узнал его голос».

Видение погасло. Огонь в лампе качнулся и снова ожил. Воздух стал обычным. Тени снова задрожали.

Тео стоял, прижавшись спиной к стене. Лицо у него было серое, и он держал лампу перед собой, как щит.

— Что это было? — выдохнул он.

Я смотрел на своё дрожащее запястье. На цепочку с жетоном. На букву «К», что снова стала просто медью. И на холод, что всё ещё полз по позвоночнику, хотя видение давно растаяло.

Где-то под рёбрами, там, где только что звучал чужой голос, вдруг стало тесно. Касперу было чуть за двадцать. Он узнал голос убийцы — и это значило, что его предал кто-то свой. А я стоял в его собственной коже и собирался шутить, потому что шутка — единственное, что у меня было. Смешно не было.

— Кажется, — сказал я медленно, — я только что услышал, как мёртвый свидетель даёт показания.

Тео перекрестился.

— Ты... ты некромант.

— Я судмедэксперт, — поправил я. — Но сейчас, Тео, по моему, это одно и то же.

Он смотрел на меня, и в его глазах я видел, как борются два чувства: ужас перед тем, что он только что видел, и надежда — та самая, ради которой он и пришёл ночью в камеру. Наконец он выдохнул:

— Он назвал имя?

— Нет. — Я покачал головой. — Но он оставил зацепку. Убийца был в мантии гильдии врачей. И Каспер узнал его голос.

— Значит, это кто-то из своих, — прошептал Тео. — Из

дома лекарей.

— Похоже на то. — Я помолчал. — И это значит, что убийца до сих пор там. Ходит, лечит людей и улыбается им в лицо.

Тео побледнел ещё сильнее. Потом, неожиданно, расправил плечи.

— Я помогу, — сказал он. — Каспер был мне как брат. Я не оставлю это так.

Я посмотрел на него. Мальчишка, сын кузнеца, впервые в жизни решивший пойти против целой гильдии. Страшно ему было до чёртиков — я видел. Но он стоял.

— Тогда для начала, — сказал я, — верни меня в камеру. Пока твой дежурный не проснулся и не решил, что мертвец опять гуляет.

И где-то в городе, над крышами, над туманом и шпилем, впервые за сто лет ударил колокол Храма Смерти.

Труп заговорил.

Глава 4. Колокол, который не звонил сто лет

До рассвета Тео довёл меня обратно в камеру. Шёл, не поднимая глаз, и всё время оглядывался, будто за нами по пятам кралась сама ночь. Я его понимал: после того, что он видел в мертвецкой, любая тень казалась свидетелем.

— Ты никому не скажешь? — спросил я, когда он запирает дверь.

— А кому я такое скажу? — прошептал он. — «Господин капитан, мертвец разговаривает, я сам видел». Меня до утра сожгут как еретика.

— Разумно. Тогда молчи. Я тоже.

Он кивнул и исчез в темноте коридора. Шаги его затихли, и я остался один с соломой, ведром и колоколом, что всё ещё, казалось, звенел у меня в ушах.

Я лёг на солому и уставился в потолок. Сон не шёл. Перед глазами стояло прозрачное лицо над каменным столом и чужая мысль, вспыхнувшая в голове: «Он был в мантии гильдии. Я узнал его голос».

Значит, убийца — из гильдии врачей. Кто-то, кого Каспер знал. Кто-то, кто носил ту же мантию, ходил по тем же коридорам, улыбался тем же людям. И кто-то, кто сейчас, наверное, спит спокойно, не подозревая, что его жертва только

что открыла рот.

А я — в камере, в чужом теле, под подозрением. Ну и денёк.

Проснулся я от того, что кто-то открыл дверь.

Рената. Она стояла в проёме, и свет из коридора рисовал её силуэт — прямой, собранный, как клинок в ножнах. Лица не разглядеть, но я и так знал, какое оно: холодное, настороженное, с прищуром человека, который не выпался и винит в этом тебя.

— Вставай, Ветров.

— Доброе утро, — сказал я, поднимаясь и разминая затёкшую шею. — Или у вас тут ночью случилось что-то интересное?

Она помолчала. Потом вошла и прикрыла за собой дверь — не до конца, но достаточно, чтобы разговор остался между нами.

— Вчера ночью звонил колокол Храма Смерти.

— Да? Я не слышал. В камере глухие стены.

— Рада за твой комфорт, — отрезала она. — Хочешь, верну?

— Он не звонил сто лет. — Она шагнула ближе. — И зазвонил ровно тогда, когда ты, по словам одного очень бледного стражника, «разговаривал с мертвецом».

Значит, Тео всё-таки не смолчал. Хотя бы частично. Я мысленно поставил ему галочку за честность и минус за язык.

— И что говорит по этому поводу ваш стражник?

— Что ты сошёл с ума. Или что мы все сошли с ума. —

Она скрестила руки. — Что ты видел в мертвецкой?

Я посмотрел ей в глаза.

— Правду, госпожа Ларс. Я прочитал смерть Каспера — по его телу, которое теперь ношу. И он заговорил.

Она не рассмеялась. Это уже было хорошим знаком. Люди, которые верят только в факты, не смеются, когда факт приходит с той стороны, откуда его не ждали. Они замирают. Как она сейчас.

— И что он сказал?

— Что его убили. Что убийца — из гильдии врачей. Что он узнал его голос.

Рената долго молчала. Потом вздохнула — тяжело, устало — и потёрла переносицу. Я впервые увидел, как сильно она устала. Не за эту ночь. За все семь лет.

— Ветров, я дознаватель. Я не верю в говорящих мертвецов. Я верю в улики, в свидетелей, в логику. — Она подняла глаза. — Но я не могу объяснить колокол. И не могу объяснить, откуда ты знаешь про следы на шее, которые я видела своими глазами и о которых ты не мог слышать.

— Поэтому?...

— Поэтому у тебя есть шанс. Один. — Она развернулась к двери. — Пойдём. Тебя хочет видеть один человек.

— Кто?

— Отец Кас. Архидьякон Храма Смерти.

Храм Смерти оказался неожиданно светлым. Я представлял себе мрачное подземелье с чадящими свечами, а это было высокое здание из белого камня, с арками и тонкими колоннами, что тянулись вверх, как рёбра какого-то огромного, спокойного зверя. Внутри пахло воском и ладаном, и сквозь цветные окна лился утренний свет — синий, зелёный, золотой, — ложился на пол узорами, как вода.

— Красиво, — сказал я невольно.

— Здесь не боятся смерти, — ответила Рената. — Здесь с ней разговаривают.

По залу скользили послушники в серых рясах, бесшумные, как тени. Никто на нас не смотрел. Но я чувствовал: нас ждали.

Отец Кас ждал в маленькой боковой комнате, заставленной книгами до самого потолка. Старик в серой рясе, с лицом, похожим на старую карту: всё в морщинах-дорогах, по которым можно было читать чужие судьбы. Глаза светлые, почти бесцветные, и смотрели так, будто видят чуть дальше, чем положено человеку.

— Садись, — сказал он. Голос тихий, как шелест страниц. Я сел. Рената встала у стены, скрестив руки.

— Ты тот, кто слышал мёртвого? — спросил он.

— Если вы про колокол, то, похоже, да.

— Как ты это сделал?

Я пожал плечами.

— Вскрытие. Осмотр. Улики. — Помолчал. — Я не читал

заклинаний. Я просто делал свою работу.

Отец Кас наклонил голову. В этом движении было что-то от птицы, что разглядывает незнакомую вещь.

— Сто лет назад мы закрыли последнюю школу некромантии. Потому что некроманты умели поднимать мёртвых, но не умели их слушать. Они брали. Приказывали. А ты — отдаёшь. Слушаешь и отпускаешь. — Он прищурился. — Это не некромантия, Григорий Ветров. Это то, чего мы не видели очень давно. Возможно, никогда.

Я хотел пошутить, что я просто хороший врач, но сдержался. Что-то в его голосе — не страх, а осторожная, выверенная надежда — не располагало к шуткам.

— И что это значит для меня?

— Что теперь за тобой будут охотиться. — Он сказал это просто, как говорят о погоде. — Те, кому выгодно, чтобы мёртвые молчали. А таких в этом городе много. Больше, чем ты думаешь.

Рената у стены шевельнулась.

— Архидьякон, вы говорите загадками.

— Я говорю правду, дознавательница. Просто у правды в этом городе дурная привычка быть неудобной. — Он поднялся, подошёл к полке и снял с неё маленький мешочек. Протянул мне. — Здесь соль, воск и ветка рябины. Не магия. Просто защита для тех, кто идёт против тех, кто заставляет мёртвых молчать.

Я взял мешочек. Он был лёгкий, тёплый от его ладони, и

пах травами.

— Спасибо. Но я больше верю в скальпель.

— И это правильно. — Он впервые улыбнулся, одними уголками глаз. — Скальпель тебе ещё пригодится. И не раз.

На улице, у подножия широких ступеней, Рената остановила меня у самого порога.

— Значит так, Ветров. — Она посмотрела в упор. — Я всё ещё не знаю, кто ты. Возможно, никогда не узнаю. Но если убийца Каспера действительно из гильдии врачей, я хочу его найти. А ты, похоже, единственный, кто может его опознать.

— Так мы теперь напарники?

— Мы — временное соглашение. — Она шагнула вниз по ступеням. — И не называй меня напарницей.

— Договорились. — Я догнал её. — А как насчёт завтрака? Я в этом теле, кажется, не ел уже два дня.

Она фыркнула. И, может, мне показалось, уголок её губ дрогнул.

— Есть лавка у восточных ворот. Кормят скверно, зато дёшево. И у стены место, откуда видно обоих выходящих.

— Ты и завтракать умеешь как на засаде, — заметил я.

— Есть будешь молча, — отрезала она. — Или добавлю в похлёбку такого, что вскрывать будешь самого себя.

— А ты как думал. — Она поправила перевязь. — Дознаватель всегда на службе.

Мы пошли через площадь, и утреннее солнце наконец

пробилось сквозь туман, расчертив мостовую длинными тенями. Город просыпался — скрипели ставни, звенели бубенцы, где-то закричал торговец рыбой. Обычное утро. Как будто и не было ночью колокола, которого этот город не слышал сто лет.

Но я знал: этот колокол только начал звонить.

Глава 5. Гильдия лекарей

Дом лекарей стоял на площади, где торговали травами и амулетами. Высокое здание с зелёными ставнями и вывеской — змея, обвивающая чашу, — что покачивалась на ветру с тихим, жалобным скрипом. Внутри пахло лекарствами, уксусом и мятой, и запах этот был таким густым, что, казалось, оседал на языке.

— Держись за мной, — тихо сказала Рената. — И помни: ты Каспер Ванн. Не задавай вопросов, на которые он знал бы ответ.

— А если спросят, почему я воскрес? — прошептал я.

— Скажешь, что выжил. Чудом. Люди любят чудеса.

— В этом городе чудо — это когда труп не говорит, — буркнул я.

Она бросила на меня быстрый взгляд, но промолчала.

В приёмной былолюдно. На лавках вдоль стен сидели больные — бледные, терпеливые, с той особой покорностью, с какой люди ждут у дверей смерти. Подмастерья в серых фартуках сновали между ними с мисками и бинтами. Никто не обратил на нас внимания. Никто, кроме одного — худого паренька, что мелькнул в глубине коридора и тут же исчез, как будто узнал меня и испугался.

Нас встретил главный лекарь — сухой человек с руками, пахнущими настойкой, и лицом человека, который не высы-

пается уже лет десять. Звали его, как он представился, господин Отг. Он вышел к нам, вытирая руки о фартук, и, увидев меня, остановился как вкопанный.

— Каспер? — Он побледнел так, что стал одного цвета со своим фартуком. — Но тебя... мы же...

— Похоронили? — подсказал я. — Почти. Но, как видите, я встал. Тело оказалось крепче, чем заключение гильдии.

Лекарь отступил на шаг. Губы у него задрожали.

— Это... это невозможно.

— Возможно, — сказал я. — Как и то, что меня кто-то отравил. А потом задушил.

Тишина. Даже муха, жужжавшая у окна, замолчала, будто тоже прислушалась.

— Ветров, — процедила Рената сквозь зубы.

— Что? — Я развёл руками. — Мы же пришли за правдой.

Лекарь оглянулся, как загнанный зверь, потом схватил меня за рукав и утянул вглубь, в пустой кабинет, заставленный банками с чем-то плавающим. Пахло здесь спиртом и сушёной мятой. Он закрыл дверь и прижался к ней спиной.

— Слушайте, — зашептал он. — Я не знаю, кто вы и как это возможно. Но если вы Каспер, вам надо уходить. Из города. Сейчас же.

— Почему?

— Потому что Каспера не просто убили. — Он сглотнул, и кадык его дёрнулся. — Его смерть подписали сверху. Магистр Рольт лично. А магистру не возражают.

Рената выступила вперёд.

— Магистр Рольт не дознаватель. Почему он подписывал заключение о смерти подмастерья?

— Потому что смерть была особенная. — Лекарь понизил голос до еле слышного. — В тот день Каспер вернулся из лаборатории сам не свой. Сказал, что видел то, чего видеть не должен. Что кто-то в гильдии делает что-то с телами. А через два дня он был мёртв.

У меня внутри всё встало на место. Привычно, без паники. Так бывает, когда из разрозненных фактов вдруг складывается картинка.

— Кто? — спросил я. — Кто в гильдии делает что-то с телами?

— Не знаю. Клянусь. — Он всплеснул руками. — Но аптекарь на углу, старик Морт, тот всё видит и всё слышит. Поговорите с ним. Только осторожно. И, ради всех богов, — он понизил голос до шёпота, — не говорите, что я вас послал.

Аптекарь Морт. Запомнил.

Лавка Морта нашлась там, где и обещали: на углу, у самой площади, впритык к лечебнице. Низкая дверь, пыльные окна, за которыми не разглядеть ни прилавка, ни хозяина, и колокольчик, который звякнул, когда мы вошли, — коротко, как будто испуганно.

Внутри пахло всем сразу. Травами, серой, чем-то сладким и чем-то резко кислым. Вдоль стен — полки, уставленные банками, бутылками и мешочками, с потолка свисали пуч-

ки сушёных трав, и в этом полумраке всё это напоминало не лавку, а чрево какого-то огромного, любопытного зверя. Некоторые банки, кажется, сами на меня смотрели.

Из-за прилавка, заваленного весами и ступками, выглянул старик.

Точнее, выпрыгнул. С неожиданной для его возраста прытью.

— Клиенты! — объявил он так, будто увидел привидение. — Настоящие! Живые! — Прищурился, оглядел меня с ног до головы, и в глазах его зажглось что-то озорное. — Ну, почти. Ты, приятель, смахиваешь на человека, который вчера лежал на столе в мертвецкой.

Я переглянулся с Ренатой.

— Вы Морт? — спросила она.

— Морт Грим, алхимик, аптекарь и лучший диагност этого города! — Он отвесил шутовской поклон, едва не смахнув с прилавка банку. — И, в отличие от гильдии, я никогда не путаю «умер» и «притворяется, что умер». В моей лавке есть всё. Даже то, чего не должно быть.

— Вот именно это нас и интересует. — Я шагнул к прилавку. — Яд. Горьковатый, с лёгким металлическим привкусом. Травили медленно, днями. Что это?

Морт замер. Веселье слетело с него, как маска, и на секунду под ним проглянуло что-то другое — собранное, умное, настороженное.

— Металлический привкус, говоришь? — Он перегнулся

через прилавок. — Синева на дёснах? Точки? — Я кивнул. Он поцокал языком. — Это не яд для бедняков, приятель. Это «слёзы серебра». Настойка на серебряной пыли и ночном корне. Дорогая. Редкая. И, что самое смешное, её можно купить только в одном месте во всём городе.

— В каком?

— В гильдии лекарей. — Он понизил голос. — У них монополия. И каждая капля этой дряни на учёте.

Рената шагнула вперёд.

— Значит, отравитель из гильдии.

— Или тот, у кого есть доступ к их запасам. — Морт поднял палец. — А доступ есть у всех лекарей, у всех подмастерьев и у их дорогих гостей из Синклита.

Я вспомнил прозрачное лицо и чужую мысль: «Он был в мантии гильдии. Я узнал его голос».

Всё сходилось. Нить за нитью.

— Мне нужен журнал учёта, — сказал я. — Кто брал «слёзы серебра» в последние недели.

Морт присвистнул.

— Ты хочешь сунуть нос в журнал гильдии? Приятель, это верный способ занять соседнюю полку в мертвецкой.

— Уже пробовал, — сказал я. — Мне понравилось.

Рената не выдержала и закатила глаза.

— Ладно, — Морт почесал подбородок, заросший седой щетиной. — Может, и помогу. За небольшую плату.

— Какую?

— Ответь на один вопрос. — Он подался вперёд, и глаза его блеснули, как две капли ртути. — Как ты встал? С научной точки зрения. Я алхимик, я должен знать. Такое не каждый день случается, знаешь ли.

Я улыбнулся.

— С научной точки зрения, Морт, тело само всё рассказывает. Нужно просто уметь его слушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.